18+

Вадим Иванович Ильин

СКИТ

У каждого своя правда.
У каждого — свой калибр.

Вадим Ильин

Скит. У каждого своя правда. У каждого — свой калибр

«Издательские решения»

Ильин В. И.

Скит. У каждого своя правда. У каждого — свой калибр / В. И. Ильин — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Ноябрь 1998-го. В питерский ломбард попадает кассета с компроматом на генерала МВД, криминального короля и чиновника из Москвы. Владелец ломбарда Профессор и молчаливый дембель-сапер Никита бегут на Север, где сталкиваются с контуженным охранником, везущим воровской общак в карельский скит. Погони, перестрелки, киллер-философ и черный юмор в лучших традициях криминальных фильмов.Книга содержит нецензурную брань.

© Ильин В. И.
© Издательские решения

Содержание

скит 6
Глава 1. Воронежский антиквариат и банный день 6
Глава 2. Смерть в Комарово и посылка на Север 11
Глава 3. Ночной дозор в Осиновой Роще 15
Глава 4. Ужин на семьдесят шестом километре 19
Глава 5. Гости с Лубянки и медвежья услуга 23
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Скит
У каждого своя правда. У каждого — свой калибр

Вадим Иванович Ильин

Дизайнер обложки Вадим Иванович Ильин

© Вадим Иванович Ильин, 2026
© Вадим Иванович Ильин, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-7994-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

скит

Глава 1. Воронежский антиквариат и банный день

Ноябрь в Петербурге — это даже не время года, а диагноз. С неба сыпалась мелкая, противная морось, которая не долетала до асфальта, превращаясь в серую взвесь еще на уровне третьих этажей. По Лиговскому проспекту, надрывно гудя, ползли облезлые трамваи, расплескивая колесами черную жижу с примесью реагентов и растоптанных окурков. Страна только-только пережила августовский дефолт, доллар прыгнул с шести рублей до двадцати одного, и на лицах прохожих застыло одинаковое выражение тупого, заторможенного недоумения — как у человека, которого ударили по затылку мешком с отрубями, а он все еще пытается сообразить, кто это сделал и за что.

В полуподвальном ломбарде «Эврика», зажатом между рюмочной без вывески и мастерской по ремонту зонтов, было сухо, душно и пахло вареной колбасой с чесноком, старыми валенками и паленым текстолитом.

Аркадий Семенович — сухой, жилистый мужик лет пятидесяти двух с седым ежиком волос и в очках с толстыми линзами в роговой оправе — сидел за прилавком, затянутым мутным оргстеклом, и методично ковырял плоской отверткой нутро старого видеомагнитофона «Электроника ВМ-12».

В прошлой жизни, до девяносто первого года, Аркадий Семенович читал лекции по научному коммунизму в технологическом институте и носил звание доцента. Теперь он носил засаленный вельветовый пиджак с кожаными заплатками на локтях, держал под прилавком двуствольный обрез шестнадцатого калибра и в узких кругах Лиговки был известен как Профессор. Специализация у него была простая: брал все, что не приколочено, не спрашивая паспорта и не интересуясь, откуда на кожаной куртке бурые пятна, похожие на засохший кетчуп.

Напротив прилавка стояли двое.

Первый — детина ростом под два метра, с квадратной головой, стриженной «под ноль», и лицом человека, которому в детстве на темечко упала чугунная гиря, но он отряхнулся и пошел дальше. Одет он был в длинный, до пят, черный кожаный плащ из жесткой свиной кожи, который при каждом движении скрипел, как несмазанная телега.

Второй был на голову ниже, худой, дерганый, в синем спортивном костюме «Адидас», надетом поверх черной водолазки. На шее у него болталась тонкая золотая цепочка с крестиком, а во рту тускло поблескивал золотой клык, который парень постоянно облизывал, нервно шмыгая носом.

— Слышь, дед, — сказал тот, что в «Адидасе», постукивая по оргстеклу брелоком от «девятки». — Ты че там, синхрофазотрон собираешь? У нас люди ждут. Тема горит. Пятьсот рублей давай и разойдемся по-хорошему.

Профессор не поднял головы. Он аккуратно подцепил отверткой металлическую шторку кассетоприемника, нажал на рычажок выброса. Старый советский механизм внутри жалобно зажужжал, хрюкнул шестеренками и медленно выплюнул черный пластиковый кирпич без наклейки.

— Видик ваш, молодые люди, — произнес Профессор ровным, поставленным лекторским голосом, сдвигая очки на кончик носа, — представляет собой выдающийся памятник отечественной инженерной мысли. То есть работать он способен исключительно после удара кувалдой по верхней крышке. Видеоголовка стерта в ноль, пассик растянут, блок питания фонит, а внутри, если присмотреться, покоится таракан. Прусак обыкновенный. Сушеный. Могу предложить двести рублей. Исключительно ради корпуса и трансформатора.

Здоровяк в кожаном плаще медленно повернул голову к напарнику, потом снова уставился на Профессора. Ноздри у него раздулись.

— Ты че, старый, берега попутал? — прогудел он басом, от которого зазвенели дешевые китайские будильники на нижней полке. — Какой таракан? Это японская техника! Нам ее кореш с загранки привез, с самого Токио!

— На задней стенке, юноша, черным по серому выбито: «Воронежское НПО Электроника. Цена 1200 рублей», — спокойно ответил Профессор, даже не глядя на громилу. — Если в Токио открыли филиал воронежского завода, я готов пересмотреть оценку. А пока — двести рублей. Или забирайте свой раритет и несите на Юнону. Там ценителей много.

— Я те щас этот раритет на башку надену, понял, сука? — шкаф шагнул вплотную к прилавку, заслонив собой тусклую лампочку под потолком. От него пахло дешевым одеколоном «Саша», мокрой псиной и перегаром. Правая рука громилы медленно полезла под полу скрипучего кожаного плаща.

В ломбарде сразу стало очень тихо. Даже старый холодильник «Саратов» в углу, казалось, перестал тарахтеть.

— Я бы на вашем месте, молодой человек, руку из-под полы вынул, — так же ровно, без малейшего напряжения в голосе произнес Профессор. Он не шелохнулся, только левая его рука чуть опустилась ниже края стола. — У меня под прилавком на кронштейне закреплена старая охотничья двустволка ТОЗ-34 двенадцатого калибра. Оформлена на покойного тестя, стволы короткие, пулевые. В обоих патронниках — картечь восемь с половиной миллиметров. С дистанции в полтора метра от вашего замечательного плаща останутся только пуговицы, а внутренний мир придется соскребать со стены шпателем. Оно вам надо за триста рублей разницы?

Шкаф замер. Его маленькие, глубоко посаженные глазки попытались разглядеть, что там у деда под столом, но оргстекло бликовало.

— Ты че, фраер, пугать нас вздумал? — зашипел нервный в «Адидасе», но сам невольно отступил на полшага к двери. — Да мы тебя…

— Ребята, — вздохнул Профессор, сняв очки и принимаясь протирать линзы краем вельветового пиджака. — Я старый больной человек. У меня ишемия, язва и полное отсутствие инстинкта самосохранения после распада Советского Союза. Мне абсолютно все равно, кто из нас сегодня поедет в морг на Екатерининском проспекте. Вопрос только в том, хотите ли вы составить мне компанию из-за стоимости трех бутылок водки.

Здоровяк постоял еще секунд пять, тяжело сопя носом. Потом медленно вытащил пустую руку из-под плаща, сплюнул густую слюну прямо на линолеум и хрипло буркнул:

— Давай двести, гнида. Подавись.

Профессор не торопясь открыл железный ящик стола, достал две зеленые сторублевые бумажки, аккуратно разгладил их ладонью и просунул в окошко под стеклом.

— Благодарю за сотрудничество, — кивнул он. — Заходите еще.

Нервный сгреб деньги, сунул в карман олимпийки, и оба вывалились на улицу, с такой силой хлопнув входной дверью, что сверху посыпалась побелка.

Профессор подождал ровно минуту. Слушал, как за окном взревел глушитель старой «девятки» и машина с пробуксовкой ушла в сторону Обводного канала. Потом он поднялся со стула, кряхтя, подошел к двери, щелкнул тяжелым английским замком и перевернул картонку на стекле надписью «УЧЕТ» наружу.

Вернувшись за прилавок, он посмотрел на черную видеокассету, лежащую рядом с распотрошенным воронежским магнитофоном. Кассета была фирменная — «TDK E-180», но бумажная наклейка на торце была содрана ногтем, оставив только липкий серый след.

— Любопытно, — пробормотал Аркадий Семенович. — Откуда у двух приматов с Обводного фирменная кассета, если видик они явно выдернули из какой-нибудь раздолбанной «Волги» или квартиры алкаша?

Он взял кассету, подошел к стеллажу с надписью «ВИДЕОПРОКАТ», где вперемешку с коробками от «Терминатора» и «Греческой смоковницы» стоял его личный рабочий японский «Панасоник», подключенный к маленькому черно-белому телевизору «Шилялис». Сунул кассету в щель, нажал «Play».

Экран мигнул, пошел косыми белыми полосами, затем стабилизировался. Звука поначалу не было — только глухое шипение и ритмичный плеск воды.

Снято было сверху, с очень странного ракурса — будто камеру замуровали прямо в вентиляционную решетку под самым потолком. В кадре была огромная, просторная парная, обшитая свежей, еще светлой липовой вагонкой. В углу дышала жаром каменка, обложенная речным булыжником, а на широких двухуровневых полках сидели четверо голых мужиков в смешных белых войлочных шапках-колокольчиках.

Профессор прищурился, наклонился ближе к экрану.

Тот, что сидел в центре, с огромным, волосатым, как арбуз, животом и толстенной золотой цепью на бычьей шее, лениво хлестал себя по ляжкам запаренным березовым веником. Этого человека в Питере знали все, кто хоть раз открывал криминальную хронику или платил за место на рынке. Константин Иванович по кличке Батя — хозяин всего портового района, человек, без кивка которого из Большого порта не уходил ни один контейнер с цветным металлом.

Рядом с Батей, прикрывая мокрым полотенцем тощие колени, сидел мужик с усами, красным от пара лицом и аккуратной седой челкой. Профессор узнал его мгновенно — три дня назад этот мужик выступал по пятому каналу и с суровым лицом обещал «выжечь каленым железом коррупцию в рядах петербургской милиции». Начальник областного УВД генерал-майор Свиридов.

Третий гость — лысый, поджарый, с хищным профилем и татуировкой в виде якоря на левом плече — пил пиво прямо из жестяной банки «Балтика №3». Это был Резаный, смотрящий по области, человек, отсидевший восемнадцать лет и вышедший полгода назад по УДО.

А четвертый, сидевший чуть в стороне и нервно обмахивавшийся дубовым листом, заставил Профессора невольно присвистнуть. Лощеное, породистое лицо, привыкшее к дорогим костюмам и объективам телекамер, даже в бане сохраняло выражение брезгливого превосходства. Заместитель министра из Москвы, приехавший в Питер курировать распределение западных кредитов.

Профессор крутанул колесико громкости на «Шилялисе». Из динамика пошел глухой, гулкий, как в бочке, звук.

— …ты мне, Петрович, мозги не пудри, — хрипло пробасил Батя, откладывая веник и беря с полки пластиковый стакан. — Мы люди простые, академиев не кончали. Схема прозрачная, как слеза комсомолки. Два миллиона долларов зелеными уходят через мой терминал на Хельсинки под видом закупки финского оборудования для очистки сточных вод. Твой человек на таможне ставит печать не глядя. Через неделю деньги падают на счета фонда в Цюрихе. Оттуда половина идет тебе на предвыборную кампанию в Думу, тридцать процентов — генералу на ремонт дачи в Репино, двадцать — нам с Резаным за суету и тишину.

— А если Счетная палата из Москвы с проверкой нагрянет? — тонким, капризным голосом спросил замминистра, брезгливо стряхивая с плеча прилипший березовый лист. — У вас тут в Питере вечно то журналисты лезут, то прокуратура.

— Прокуратуру я накормлю, — усмехнулся генерал Свиридов, вытирая пот со лба. — У меня там зять в следственном управлении сидит. А насчет журналистов… У нас в Карелии болот много. Глубокие. Никто еще не всплывал.

— Вот и славно, — кивнул Батя, поднимая пластиковый стакан. — За смычку города и деревни, так сказать. За вертикаль власти!

Все четверо чокнулись, выпили, и в этот момент в дверь ломбарда постучали.

Профессор вздрогнул так, что едва не уронил очки. Стук был не такой, как у тех двоих бакланов — не наглый, не суетливый. Стучали ровно, спокойно, костяшками пальцев по стеклу. Раз, два, три. Пауза. И еще раз.

Аркадий Семенович мгновенно нажал на кнопку «Stop», выдернул вилку телевизора из розетки, сунул кассету во внутренний карман вельветового пиджака и, пригнувшись, подошел к двери. Отодвинул уголок картонки с надписью «Учет».

На ступеньках крыльца, прямо под тусклым фонарем, стоял парень лет двадцати пяти.

Одет он был странно для центра Питера, но вполне привычно для вокзальных площадей образца осени девяносто восьмого: старый, выцветший армейский бушлат без погон и шевронов, черные мятые брюки, заправленные в стоптанные, сбитые на носках кирзовые берцы. За правым плечом на широкой лямке висел пузатый брезентовый вещмешок, стянутый сыромятным ремешком. Стрижен парень был почти наголо, скулы острые, подбородок упрямый, а глаза — светло-серые, совершенно спокойные и пустые, как лед на Финском заливе в январе.

Профессор присмотрелся к его рукам. Костяшки пальцев на правой руке были сбиты в кровь, видимо, совсем недавно. Никакого оружия при нем не просматривалось, да и на ментовского топтуна он похож не был — слишком простой, провинциальный вид.

Аркадий Семенович щелкнул замком, приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы просунуть нос, не снимая массивной дверной цепочки.

— Закрыто, молодой человек, — сказал он строго. — Учет. Приходите завтра с десяти утра.

— Мне плеер нужен, — негромко ответил парень. Голос у него был тихий, чуть сипловатый, без всякого напора. — Кассетный. И батарейки.

— Я же русским языком сказал — учет! Через дорогу на углу комок стоит, там тайваньские «Акаи» продают. Иди туда.

— Там дорого, — просто сказал парень. — А завтра я уеду.

Он полез в нагрудный карман бушлата, достал сложенную вчетверо зеленую бумажку, расправил ее загрубевшими пальцами и просунул в щель между дверью и косяком. Это была новая стодолларовая купюра с большим портретом Франклина.

Профессор посмотрел на доллар. В ноябре девяносто восьмого сто долларов были целым состоянием — средняя зарплата инженера по стране не дотягивала и до сорока. Потом Аркадий Семенович снова поднял глаза на лицо парня.

В этом парне не было ни суеты, ни страха, ни блатной наглости, которая за последние годы осточертела Профессору хуже горькой редьки. Он стоял под ледяным питерским дождем так спокойно, словно стоял на автобусной остановке в родном поселке в погожий майский день. И при этом в каждом его движении чувствовалась тяжелая, пружинистая собранность человека, который привык не думать о том, что будет через пять минут, потому что эти пять минут еще надо прожить.

В голове Профессора, привыкшей за долгие годы преподавания диалектики мгновенно просчитывать причинно-следственные связи, вдруг щелкнуло.

Кассета в кармане жгла грудь, как раскаленный утюг. Аркадий Семенович прекрасно понимал: те двое придурков, что принесли видик, понятия не имели, что у них внутри. Скорее всего, они просто обнесли чью-то машину — например, машину помощника генерала Свиридова или одного из людей Бати, который вез запись на экспертизу или на хранение. Максимум через час хозяин обнаружит пропажу, вытрясет из шестерок душу, и сюда, в ближайший к месту кражи скупщицкий подвал, приедут люди. Много людей. С «калашниковыми», паяльниками и очень плохим настроением.

Самому Профессору из города не уйти. Радикулит прихватил еще вчера, машины нет, а на электричке с такой кассетой далеко не уедешь — на каждом вокзале сейчас менты шмонают всех подряд.

— Слышь, солдат, — тихо сказал Профессор, не отводя взгляда от серых глаз парня. — Ты откуда сам-то?

— С Урала, — коротко ответил тот. — Из-под Перми.

— Воевал?

Парень промолчал. Только чуть прищурился, глядя на Профессора поверх дверной цепочки.

— Ладно, можешь не отвечать, по глазам вижу, — кивнул Аркадий Семенович. — Зовут как?

— Никита.

— А меня Аркадий Семенович. Можно просто Профессор. Слушай сюда, Никита. Плеер я тебе подарю. Вместе с батарейками и наушниками. И сто долларов твоих мне не надо. Более того — я тебе сверху дам пятьдесят тысяч. Таких же зеленых. Только наличными.

Никита не моргнул. Не удивился, не обрадовался, даже бровью не повел.

— За что? — спросил он.

— За экскурсию, — усмехнулся Профессор, чувствуя, как адреналин начинает разгонять кровь по старым жилам. — Нам с тобой надо доехать до одного тихого места на севере Ладоги. Километров двести отсюда. Там я сделаю пару звонков, передам одну посылку серьезным людям, мы заберем деньги и разойдемся в разные стороны. Ты — к себе на Урал, я — куда глаза глядят. Водить машину умеешь?

— Умею. На «Урале» ездил. И на БТР.

— Ну, после БТР с двадцать четвертой «Волгой» ты как-нибудь справишься, — Профессор снял цепочку и широко распахнул дверь. — Заходи, Никита. И дверь закрой на засов. У нас с тобой минут пятнадцать, не больше, пока к нам гости не пожаловали.

Никита перешагнул порог, аккуратно закрыл дверь, задвинул тяжелый железный засов, снял с плеча вещмешок и поставил его у стены. Оглядел тесное помещение ломбарда — зарешеченные окна, витрины с часами и кольцами, старый телевизор на полке.

— А плеер какой? — деловито спросил он. — Если «Электроника» — не надо. Он пленку жует.

Профессор коротко хохотнул, полез под прилавок и вытащил потертый, но крепкий японский «Сони» с желтой кнопкой мега-баса.

— «Сони», Никита. Чистая Япония. Не Воронеж. И батарейки «Дюраселл». Держи. И вот тебе еще, на всякий случай, — он достал из-под стола старую двустволку с короткой парой стволов и положил на стекло рядом с плеером. — Стрелять умеешь?

Никита взял плеер, покрутил в руках, проверил крышку батарейного отсека. Потом перевел взгляд на ружье, потрогал пальцем гладкий ореховый приклад. — Умею, — спокойно сказал он. — А патроны какие?

— Умею, — спокойно сказал он. — А патроны какие?

— Картечь, Никита. Самая крупная. На волка.

— На волка — это хорошо, — кивнул Никита, достал из кармана бушлата свою кассету без обложки, вставил в плеер и надел поролоновые наушники. — Только я сначала песню дослушаю. Она тут короткая. Минуты три всего.

Глава 2. Смерть в Комарово и посылка на Север

Загородная резиденция Константина Ивановича, которого от Выборга до Новгорода знали просто как Батю, пряталась за трехметровым забором из красного кирпича в самой глухой части Комарово, среди вековых сосен и заснеженных дач бывших партийных бонз. Дом строили с купеческим размахом начала девяностых: три этажа, башенки с флюгерами, окна-бойницы с пуленепробиваемыми стеклами и гараж на шесть машин, в котором пахло дорогой кожей и дорогим бензином.

Но внутри этой крепости сейчас пахло не деньгами и не властью, а камфорой, мочой и кислой больничной капустой.

В огромной спальне на втором этаже, под потолком с позолоченной лепниной и настенным ковром, изображающим охоту на вепря, умирал человек. Батя лежал на широкой, как взлетная полоса, кровати, укрытый шелковым одеялом цвета бордо. От прежнего грузного, громогласного хозяина портового района осталась только желтая, высохшая оболочка — кожа натянулась на скулах, как пергамент на старом барабане, под глазами залегли черные провалы, а на груди, поверх застиранной майки-алкоголички, нелепо и тяжело лежала та самая золотая цепь в два пальца толщиной.

У окна, глядя на заснеженные верхушки сосен, стоял врач из платной клиники при Военно-медицинской академии. Он уже убрал фонендоскоп в кожаный саквояж, застегнул молнию и теперь только тихо вздыхал, прикидывая в уме, отпустят его сегодня живым или закопают прямо здесь, под сосной, за плохую работу.

— Доктор, — прохрипел Батя. Голос его напоминал скрежет ржавой лопаты по щебню. — Сколько? Не ври только. Я вранье за версту чую.

Врач обернулся, сглотнул, поправил очки в тонкой металлической оправе:

— Печень отказала полностью, Константин Иванович. Интоксикация пошла в мозг. Сердце работает на пределе. Час. Максимум два. Я вколол промедол, боли не будет.

Батя медленно перевел мутные, желтые белки глаз на дверь.

— Коля… — позвал он едва слышно. — Коля, иди сюда. А ты, лепила, пошел вон. Возьми на тумбочке конверт. Там пятерка зеленых. И чтоб ни одна блядь в городе до утра не знала. Понял?

— Понял, Константин Иванович, — быстро кивнул врач, сгреб со стола пухлый белый конверт и, стараясь не смотреть на сидящего у двери гиганта, боком выскользнул из спальни.

Когда дверь за врачом тихо щелкнула, от стены отделился человек.

Звали его Николай. Ему было тридцать четыре года, но выглядел он на все сорок пять. Ростом под два метра, с широкими, покатыми плечами, на которых дешевый черный костюм-тройка трещал по швам при каждом вздохе. Лицо у Коли было квадратное, вырубленное тупым топором, с глубоким белым шрамом от виска до подбородка — память о минометном обстреле под Кандагаром в восемьдесят шестом году. После той контузии Коля почти перестал улыбаться, говорил короткими, рублеными фразами, как на допросе, и спал с открытыми глазами, зажав в правой руке рукоятку стечкина.

Он подошел к кровати и встал навытяжку, опустив огромные, покрытые старыми мозолями руки вдоль швов.

— Слушаю, Батя.

Умирающий с трудом приподнял руку, схватил Колю за запястье. Пальцы у Бати были холодные, липкие, но цепкие, как у коршуна.

— Слушай внимательно, Коля. Ты у меня один остался, кому верить можно. Остальные — шакалы. Они уже внизу сидят, водку жрут и мою кассу делят. Резаный первый за горло возьмется, как только я глаза закрою.

— Я могу спуститься, Батя, — ровно, без малейшей эмоции предложил Коля. — Положить всех. Патронов хватит.

Батя попытался усмехнуться, но вместо улыбки по желтому лицу прошла судорога.

— Не надо, Коля. Всех не перестреляешь. На смену этим другие придут, еще голоднее. Слушай приказ. За картиной с медведями — сейф. Код знаешь?

— Так точно. Двенадцатое ноль четвертое. День рождения вашей матушки.

— Молодец. Откроешь. Там черный дипломат «Самсонит». В нем полтора миллиона долларов наличными и тетрадь в клеточку. В тетради — вся бухгалтерия: кто, сколько, куда заносил, номера счетов в Швейцарии и расписки генерала Свиридова. Возьмешь этот чемодан и прямо сейчас, черным ходом через гараж, сядешь в «Ниву» и уйдешь на Приозерское шоссе.

— Куда везти, Батя?

— На Север, Коля. За Сортавалу, в старый скит на острове. К отцу Варлааму. Отдашь чемодан лично ему в руки. Скажешь — от Кости Питерского, на помин души и на восстановление храма. Никому по дороге не отдавать. Ни Свиридову, ни Резаному, ни ментам. Кто полезет — вали на месте без разговоров.

— Понял, Батя. Валить на месте.

— И еще одно, Коля… — Батя зашелся в тяжелом, булькающем кашле, на губах выступила розовая пена. Коля молча взял с тумбочки льняную салфетку и аккуратно вытер ему рот. — Вчера у Свиридова из служебной машины сперли видеомагнитофон. Там внутри кассета осталась. С нашей последней бани. Если эта пленка всплывет — нас всех, даже мертвых, из земли выкопают и по кускам разберут. Резаный уже отправил своих бакланов по скупкам. Если пересечешься с ними или выйдешь на тех, у кого кассета — перекупи за любые деньги из чемодана. А потом… тоже завали. Чтоб концов не осталось. Выполняй.

— Есть, Батя.

Коля повернулся на каблуках, подошел к стене, снял тяжелую раму с «Утром в сосновом лесу», набрал на лимбе сейфа «1204». Дверца мягко отщелкнулась. Внутри лежал пузатый черный кейс с кодовыми замками и две запасные обоймы к автоматическому пистолету Стечкина. Коля сунул обоймы в карман пиджака, взял дипломат в левую руку и вышел в коридор.

Внизу, в каминном зале, гремела музыка — орал хриплый шансон про белых лебедей, звенели рюмки и слышался пьяный смех. Там сидели «бригадиры» Бати во главе с лысым Резаным, который уже три часа как вел себя в доме словно законный наследник.

На лестничной площадке второго этажа Коля столкнулся с двумя бойцами из охраны Резаного. Оба в кожаных куртках, с расстегнутыми воротами, от обоих несло коньяком и чесноком.

— Опа, контуженный! — осклабился тот, что повыше, преграждая проход. — А ты куда это с чемоданчиком намылился? В отпуск, что ли? Батя звал, нет?

Коля остановился. Посмотрел на него своими пустыми, стеклянными глазами, в которых не отражался даже свет хрустальной люстры. Переложил тяжелый дипломат из левой руки в правую, а левой медленно расстегнул пуговицу пиджака, открывая доступ к кобуре.

— Батя спит, — тихо и четко произнес Коля. — Не мешайте.

Охранник глянул в эти глаза, вспомнил рассказы о том, как два года назад под Выборгом Коля в одиночку саперной лопаткой зарубил троих человек, приехавших забирать долю с таможни, и его пьяная ухмылка мгновенно сползла с лица. Он молча посторонился, прижавшись спиной к перилам.

Коля спустился по черной лестнице в подвал, прошел через котельную прямо в гараж, сел за руль старой, обшарпанной белой «Нивы» с грязными номерами, завел мотор и, выбив бампером деревянные ворота заднего двора, выкатился на заснеженную лесную дорогу, ведущую к северной трассе.

А в это же самое время, в сорока километрах южнее, на Лиговском проспекте, доигрывала последняя минута песни в наушниках Никиты.

Он сидел на колченогой табуретке у чугунной батареи в полуподвале ломбарда «Эврика», вытянув ноги в тяжелых кирзовых берцах, и смотрел в одну точку на облупленной стене. В правой руке на колене лежал вороненый обрез ТОЗ-34.

Профессор тем временем носился по тесной подсобке, как старый, но очень шустрый хорек. Он сгребал в брезентовую сумку пачки стодолларовых купюр из тайника под половицей, пару золотых червонцев царской чеканки, запасные патроны двенадцатого и шестнадцатого калибра и свой старый немецкий «Вальтер» времен войны, который хранил на черный день.

— Черт, черт, черт, — бормотал Аркадий Семенович себе под нос, поправляя съехавшие на кончик носа очки. — Черный ход завален. Говорил же я этому алкашу дворнику: убери старые холодильники из коридора! Нет, он все пропил, сволочь! Никита! Выключай свою шарманку! Пора!

Никита нажал на кнопку «Stop» на японском плеере, аккуратно смотал провод наушников вокруг корпуса и убрал аппарат во внутренний карман армейского бушлата. Лицо его было совершенно спокойным — ни капли пота, ни дрожи в пальцах.

И в эту секунду за зарешеченным окном визгнули тормоза. Глухо, тяжело хлопнули дверцы машин.

Профессор замер с открытым ртом, держа в руке банку растворимого кофе, которую зачем-то тоже решил прихватить в дорогу. Осторожно, пригнувшись ниже подоконника, он подкрался к краю окна и глянул сквозь щель в жалюзи.

— Опаздываю с лекцией, — прошептал он, чувствуя, как под ложечкой противно засосало. — Приехали. Белый шестисотый «Мерседес» и вишневая «девятка». Шестеро. Наши утренние знакомые в комплекте, плюс четверо быков. У одного в руках «укороченный» под плащом. Похоже, из бригады Резаного.

Никита встал с табуретки. Переломил ружьё, проверил два красных патрона с крупной картечью, мягко, почти бесшумно щелкнул стволами.

— Где машина? — спросил он тихо.

— Во дворе, через соседнюю арку! — быстро зашептал Профессор, пятясь к плюшевой шторе, отделявшей зал от склада. — Черная двадцать четвертая «Волга» в гараже у моего знакомого слесаря. Ключи у меня в кармане. Только выйти надо через парадную дверь, другой дороги нет!

— Лезь за прилавок, — коротко бросил Никита и шагнул к входной двери, прижимаясь спиной к косяку с левой стороны. — И голову не высовывай.

Не успел Профессор нырнуть под прилавок, сжимая в трясущейся руке свой старый «Вальтер», как в дверь ломбарда с грохотом ударили тяжелым сапогом. Филенка треснула, но массивный английский замок выдержал.

— Открывай, падаль! — заорал снаружи визгливый голос нервного типа в синем «Адидасе». — Мы знаем, что ты там, сука! Отдай кассету из видика, может, закопаем по-людски!

Никита не ответил. Он перехватил ружьё поудобнее и взвел оба курка. Раздались два сухих, металлических щелчка.

Снаружи на секунду затихли, а потом грохнула короткая автоматная очередь. Пули «АКС-74У» прошили тонкое дерево двери насквозь, со звоном разнесли стеклянную витрину с наручными часами, выбили сноп искр из кассового аппарата и ушли в кирпичную стену, подняв густое облако известковой пыли. Выбитый замок с лязгом отлетел в угол, и дверь распахнулась внутрь.

Первым в темный проем, пригнувшись, ввалился тот самый двухметровый шкаф в скрипучем кожаном плаще. В руках он держал дымящийся «Калашников». За ним, прикрываясь

широкой спиной напарника, суетился нервный в «Адидасе», сжимая в руке вороненый пистолет ТТ.

Никита не стал кричать «стой, стрелять буду» и не стал предлагать сдаться. Он просто шагнул из-за косяка вплотную к вошедшему и, уперев стволы двустволки почти в грудь здоровяка, спустил оба курка одновременно.

В тесном полуподвале грохот выстрела слился в один чудовищный, оглушительный удар. Пламя из коротких стволов осветило помещение яркой оранжевой вспышкой. Заряд картечи в упор буквально оторвал здоровяка от пола и вышвырнул его обратно на бетонные ступеньки крыльца. Тот рухнул на спину, сбив с ног стоявшего за ним нервного в «Адидасе», и замер, раскинув руки, словно огромный черный жук.

Не теряя ни доли секунды, Никита перехватил пустую, дымящуюся двустволку за стволы, как тяжелую дубину, перешагнул через порог и со всей силы опустил ореховый приклад на голову нервного, который пытался вскочить и навести свой ТТ. Раздался глухой, влажный стук. Парень в спортивном костюме дернулся, выронил пистолет и обмяк на мокром бетоне.

На улице, у белого «Мерседеса» с работающим мотором, стояли еще четверо. На полторы секунды они оцепенели — слишком быстро, слишком грязно и абсолютно без всяких блатных понтов все произошло. В кино перед стрельбой обычно долго ругаются, а тут просто вышел парень в старом бушлате и за три секунды положил двоих лучших бойцов.

Этих полутора секунд Никите хватило с головой.

Он наклонился, привычным движением выхватил с бетона трофейный ТТ, большим пальцем проверил предохранитель и открыл огонь.

Стрелял Никита не по-киношному — без прыжков и стрельбы с двух рук, — а так, как учили на полигоне под Моздоком: чуть присев, выставив левое плечо вперед и выцеливая каждого короткими, жесткими выстрелами.

Первый бандит, стоявший у открытой дверцы «Мерседеса» с пистолетом в руке, схватился за живот и медленно осел в лужу. Второй попытался нырнуть за капот, но пуля пробила ему плечо — он дико взвизгнул, выронил ствол и пополз под машину, оставляя на мокром асфальте жирный красный след.

Оставшиеся двое, даже не попытавшись достать оружие, развернулись и бросились бежать в сторону подворотни, спотыкаясь в длинных кожаных плащах и теряя шапки на бегу.

Никита опустил пистолет. Постоял пару секунд под ледяным питерским дождем, прислушиваясь к тишине, которую нарушали только стоны раненого под «Мерседесом» и далекий, надрывный вой милицейской сирены где-то в районе Московского вокзала.

Из темного проема ломбарда осторожно выглянул Профессор. Очки у него съехали на самый кончик носа, седой ежик растрепался, а в правой руке дрожал старый немецкий «Вальтер». Аркадий Семенович посмотрел на тело шкафа на ступеньках, на лужу крови, смешивающуюся с дождевой водой, и на дымящийся ТТ в руке Никиты.

— М-да, — тихо произнес Профессор, с трудом сглатывая вязкую слюну. — В университете нас учили, что практика является критерием истины. Но я, признаться, не рассчитывал на столь наглядную демонстрацию.

— Где «Волга»? — спокойно спросил Никита, сунув трофейный ТТ за пояс бушлата и подбирая с земли свой пустой обрез. — Сейчас менты приедут. Нам уходить надо.

— Во двор, через арку налево! — Профессор мгновенно стряхнул с себя оцепенение, перекинул брезентовую сумку через плечо, похлопал себя по груди, проверяя, на месте ли кассета, и выскочил на крыльцо, стараясь не наступать в кровь. — Бежим, Никита! Судя по номерам на этом «Мерседесе», мы с тобой только что объявили войну лично генералу Свиридову и половине криминального Петербурга!

Глава 3. Ночной дозор в Осиновой Роще

Двор-колодец за Лиговским проспектом пах кошачьей мочой, сырой штукатуркой и прелыми листьями, которые дворники не убирали с октября. Гаражный бокс, приткнувшийся между кирпичным брандмауэром и переполненным мусорным баком, закрывался на амбарный замок размером с детский кулак.

Профессор возился с ключом секунд десять — руки у бывшего лектора научного коммунизма ходили ходуном, а зубы выбивали мелкую, противную дробь. Наконец замок щелкнул. Никита молча откинул тяжелую железную дужку, распахнул скрипящие ворота и шагнул в темноту.

Внутри, в тусклом свете фонаря, падавшем с улицы, блеснули хромированные клыки бампера. Это была «ГАЗ-24» — черная, тяжелая, как чугунный утюг, с белыми боковинами на резине и выцветшим вымпелом «Ударник коммунистического труда» на лобовом стекле.

— Дядя Миша ее три года берег, — выдохнул Профессор, плюхаясь на продавленное дерматиновое сиденье справа и бросая брезентовую сумку в ноги. — Говорил: «Помру — в ней меня на кладбище и повезете». Ну, помер дядя Миша в сентябре от паленой водки, а ключи мне оставил за долги. Садись, Никита! Ради бога, быстрее!

Никита сел за руль, бросил пустой обрез и трофейный ТТ на заднее сиденье, повернул ключ в замке зажигания. Стартер лениво крутанул раз, другой, чихнул, и под длинным капотом ровно, басовито заурчал карбюраторный мотор. Пахло бензином и старым кожзамом, но печка почти сразу погнала теплый воздух.

Никита включил ближний свет, мягко вывел тяжелую «баржу» из гаража и через узкую подворотню вынырнул на параллельную улочку. В зеркале заднего вида мелькнули синие проблесковые маячки — два милицейских «уазика» с визгом заворачивали к ломбарду «Эврика».

— Ушли, — облегченно выдохнул Профессор, откидываясь на спинку и доставая из кармана смятую пачку «Беломора». — Слава диалектическому материализму, ушли! Никита, гони на Выборгскую сторону, через Литейный мост и дальше на Энгельса. Нам на Приозерское шоссе надо выскочить, пока город на «Перехват» не закрыли.

Никита молча кивнул. Он вел машину уверенно, без дерготни, держа дистанцию и не превышая скорость — точно так же, как водил груженый «Урал» по серпантинам под Ведено, когда любое резкое движение рулем могло стоить жизни всему отделению.

— А ты, Никита, молодец, — заговорил Профессор, закуривая и приоткрывая форточку, чтобы выпустить едкий дым. — Я, признаться, когда тебя на крыльце увидел, подумал: обычный дембель, сейчас напьется с тоски и в вытрезвитель загремит. А ты… Ты в Чечне, что ли, служил?

— В инженерно-саперной роте, — коротко ответил Никита, глядя на мокрый асфальт. — Два года.

— И как там?

— Грязно.

Профессор покосился на него поверх очков, хмыкнул и больше расспрашивать не стал. Вместо этого он похлопал себя по внутреннему карману пиджака, проверяя, на месте ли кассета «TDK», и сказал:

— Нам бы телефон-автомат найти. Где-нибудь на окраине, у метро «Озерки». Надо генералу Свиридову позвонить. Обрадовать старика, что его домашнее видео не сгорело, а попало в надежные, интеллигентные руки.

— Зачем ему звонить? — нахмурился Никита. — Он же нас сразу искать начнет.

— Он нас, Никита, уже ищет, — философски заметил Аркадий Семенович, стряхивая пепел в пепельницу. — Только сейчас он думает, что кассета у бандитов Резаного или у слу-

чайных воришек. А когда он поймет, что запись у человека, который знает цену каждой минуте этого фильма, он сам приедет с чемоданом денег. Генералы, Никита, в отличие от бандитов, люди системные. Они умеют считать убытки.

В это же время в главном управлении внутренних дел на Литейном проспекте, в кабинете с дубовыми панелями и портретом Дзержинского на стене, было жарко, как в той самой парной.

Генерал-майор Свиридов ходил из угла в угол по красной ковровой дорожке, заложив руки за спину. Китель с золотыми погонами был расстегнут на верхнюю пуговицу, седая челка растрепалась, а лицо пошло неровными бурыми пятнами. Напротив него, вжавшись в кожаное кресло, сидел начальник убойного отдела полковник Кравцов.

— Ты мне сказки не рассказывай, Кравцов! — рявкнул генерал, останавливаясь прямо перед столом и упираясь в него кулаками. — Шесть трупов и двое подранков в центре города, на Лиговке! В девять вечера! И кто? Какие-то два призрака! Один — старый хрен в очках, второй — вообще непонятно кто, в армейском бушлате! Вы там совсем мышей не ловите?!

— Так это ж люди Резаного, товарищ генерал, — тихо, стараясь не злить шефа, ответил Кравцов. — Те двое, кого у крыльца из обреза положили — Шкаф и Фитиль, известные в порту беспредельщики. Машина, белый шестисотый, оформлена на подставную фирму Бати. Видать, бандитские разборки. Поделили чего-то.

— Батя час назад в Комарово концы отдал, — глухо бросил Свиридов, отворачиваясь к темному окну, за которым моросил дождь. — Мне врач отзвонился. Цирроз. Так что теперь в городе начнется такой передел, что девяносто третий год детским утренником покажется.

Кравцов присвистнул, но промолчал.

— Слушай приказ, — генерал резко повернулся. — План «Перехват» объявлять тихо, без шума в прессе. Все посты ГАИ на выездах из города — особенно Выборгское, Приозерское и Мурманское направления — усилить ОМОНом. Проверять каждую машину. Если увидите черную «Волгу» или белую «Ниву» с областными номерами — тормозить жестко. При сопротивлении — огонь на поражение. Живыми их брать не обязательно. Даже вредно. Понял?

— Так точно, товарищ генерал. А ориентировку на кого давать?

— На старика в очках и парня в бушлате. И еще… — Свиридов замялся на секунду, скрипнул зубами. — Там у этих двоих с Лиговки может быть при себе видеокассета. Обычная, черная, без коробки. Найдете — лично мне в руки. Не смотреть, в опись не вносить. Заглянешь в пленку — сам рядом с ними в лесу ляжешь. Ясно?

— Ясно, товарищ генерал, — вытянулся Кравцов.

Едва за полковником закрылась тяжелая обитая дерматином дверь, на столе генерала зазвонил прямой городской телефон. Свиридов вздрогнул, посмотрел на аппарат так, словно это была гремучая змея, и медленно снял трубку.

— Слушаю.

— Добрый вечер, Петрович, — раздался в трубке спокойный, интеллигентный голос с легкой лекторской хрипотцой. На фоне шумели редкие машины и гудел ветер. — Надеюсь, я не отвлекаю вас от борьбы с организованной преступностью?

У Свиридова перехватило горло. Он тяжело опустился в кресло, схватил со стола графин с водой, но налить не смог — рука дрожала.

— Кто говорит? — сипло выдавил он.

— Зритель, Петрович. Благодарный зритель. Знаете, ваш банный этюд с Константином Ивановичем и московским гостем — это шедевр. Куда там Феллини! Особенно мне понравился тост за вертикаль власти. Очень душевно. И главное — актуально в свете последних экономических потрясений.

— Сколько? — коротко спросил генерал, мгновенно переходя на деловой тон. Голос его сразу стал жестким, как сталь. — Назови цифру и место.

— Мне нравится ваш конструктивный подход, Петрович, — усмехнулся Профессор в трубке. — Двести тысяч долларов. Мелкими, не новыми, без банковских упаковок. Половина — за мою копию, половина — за то, чтобы я забыл дорогу в редакцию программы «Вести». Завтра в двенадцать дня я позвоню снова и скажу, куда привезти сумку. Попробуете вычислить номер или устроить засаду — кассета уйдет в Москву и в прокуратуру одновременно. Приятного вечера, товарищ генерал.

В трубке пошли короткие гудки. Свиридов медленно положил ее на рычаг, вытер выступивший на лбу холодный пот рукавом кителя и нажал кнопку селектора:

— Кравцов! Ко мне! Срочно!

На часах было без четверти полночь, когда черная «Волга» подошла к посту ГАИ в Осиновой Роще — последнему рубежу на выезде из города в сторону Приозерска.

Пост светился яркими прожекторами. На обочине стояли два милицейских «Форда» с включенными мигалками и армейский грузовик с тентом, из-под которого торчали стволы автоматов. Трое гаишников в светоотражающих жилетах и четверо бойцов ОМОНа в черных масках и бронежилетах тормозили почти весь поток.

Никита сбросил скорость, переключился на вторую передачу. В салоне «Волги» сразу стало тесно и тихо.

— Спокойно, Никита, — прошептал Профессор, поправляя очки и доставая из бардачка потертую синюю книжечку. — Главное — без резких движений. Если что — я сам поговорю. У меня тут удостоверение внештатного корреспондента газеты «Ленинградская правда» еще с восемьдесят девятого года завалялось. Иногда помогает.

— Не поможет, — тихо сказал Никита, глядя на омоновца с «Калашниковым», который уже поднял полосатый жезл, указывая им на обочину. — У них ориентировка. Видишь, как на бушлат смотрят?

— Черт, — выругался Профессор. — Ну тогда… тогда действуй по обстановке. ТТ у меня в ногах, обрез перезаряжен.

Никита мягко притормозил у самой будки поста. Опустил стекло водительской двери. Ледяной ветер сразу ворвался в салон.

К машине подошел толстый старшина ГАИ с красным от мороза носом, а чуть поодаль, в двух шагах за его спиной, встал боец ОМОНа, держа автомат на ремне стволом вниз, но палец на спусковой скобе.

— Старшина Ковалев, — лениво козырнул гаишник, заглядывая в салон и освещая фонариком лицо Никиты, а потом Профессора. — Документики на машину, водительское. Куда направляемся на ночь глядя?

Никита молча полез во внутренний карман бушлата, достал замусоленный техпаспорт и права дяди Миши, протянул в окно. Старшина взял бумаги, посветил на них фонариком, потом снова перевел луч на бушлат Никиты и очки Профессора.

В этот момент из будки поста выскочил молодой лейтенант с рацией в руке.

— Ковалев! — крикнул он. — Стой! Только что с главка передали: черная «Волга» двадцать четвертая, двое — старик в очках и молодой в армейском бушлате! Оба вооружены!

Старшина замер. Луч фонарика дрогнул и уперся прямо в глаза Никите. Боец ОМОНа за его спиной мгновенно дернул затвор автомата: клац-клац.

Никита даже не моргнул. Он не стал тянуться за пистолетом — времени на это уже не было. Вместо этого он левой рукой резко схватил старшину за отворот тулупа, дернул его на себя так, что тот ударился головой о стойку двери, а правой до упора вдавил педаль газа в пол и бросил сцепление.

Задние колеса черной «Волги» взвизгнули на мокром асфальте, выбрасывая из-под себя фонтан грязи и гравия. Тяжелая машина прыгнула вперед, как разъяренный бык, сбив с ног омоновца, который успел дать только одну длинную, бестолковую очередь в небо.

Пули прошили воздух над крышей, разбили фонарь на столбе, посыпались осколки стекла. В зеркале заднего вида Никита увидел, как из кузова грузовика горохом посыпались остальные бойцы, а гаишные «Форды» замигали фарами, разворачиваясь в погоню.

— Держись! — коротко бросил Никита и крутанул руль вправо, уходя на узкую лесную грунтовку, ведущую в сторону Медного озера.

«Волгу» швырнуло боком, заднее крыло чиркнуло по бетонному отбойнику, высекая сноп желтых искр, но машина удержалась на дороге и нырнула в черную стену соснового леса, выключая фары.

Профессор, вцепившийся обеими руками в ручку над дверью, открыл глаза только через минуту, когда ветки елей перестали хлестать по лобовому стеклу, а огни поста остались далеко позади.

— Никита… — выдохнул Аркадий Семенович, ощупывая себя, словно не веря, что цел. — Ты… ты где так ездить научился?

— Под Шали, — спокойно ответил Никита, вглядываясь в темноту лесной колеи, подсвеченную только тусклыми габаритами. — Там если на дороге задержишься больше трех секунд — из засады в решето превратят

Профессор посмотрел на спокойный профиль парня, потом на заднее сиденье, где подпрыгивал обрез, и вдруг тихо засмеялся — нервно, с хрипотцой.

— Знаешь, Никита, я ведь всю жизнь студентам втирал, что личность в истории роли не играет. Только классы и экономический базис. Какой же я был дурак… Сейчас мы лесами выйдем на старую выборгскую трассу, а оттуда — на Приозерск. У меня там в одном поселке знакомый егерь живет. Переночуем, обсохнем, а утром начнем аукцион.

— А кто второй покупатель? — спросил Никита, объезжая глубокую лужу, затянутую тонким льдом. — Ты говорил, их трое.

— Первый — генерал Свиридов. Второй — люди Бати, вернее, тот, кто сейчас вместо него сядет. А третий… — Профессор хитро прищурился за толстыми линзами. — Третий — тот московский хлыщ из бани. Ему через месяц в Думу избираться. Если эта кассета попадет в телевизор, он не то что депутатом — он даже дворником в Кремле не устроится. За такие деньги, Никита, он нам не только пятьдесят тысяч — он нам по золотому памятнику поставит.

Никита промолчал. Он включил плеер, надел одно ухо наушников, оставив второе свободным, чтобы слышать дорогу, и прибавил газу. Черная «Волга» уверенно ползла вперед по заснеженной лесной дороге на Север — туда же, куда час назад по соседней трассе ушла белая «Нива» контуженного Коли с полутора миллионами долларов в черном чемодане.

Глава 4. Ужин на семьдесят шестом километре

Старая выборгская трасса ночью походила на тоннель, прорубленный в черном гранитовом массиве. По обочинам стеной стояли мокрые сосны, с веток которых то и дело срывались тяжелые комья мокрого снега и глухо шлепались на капот белой «Нивы».

Коля вел машину медленно, на третьей передаче, чуть пригнувшись к рулю. После контузии под Кандагаром в темноте у него иногда начинало двоиться в левом глазу, а в ушах стоял тонкий, непрерывный звон — точно такой же, как за секунду до того, как душманская мина разорвалась в трех метрах от их бэтээра. Но руки помнили дорогу сами. На соседнем сиденье, пристегнутый ремнем безопасности, как живой пассажир, сидел черный дипломат «Самсонит».

На семьдесят шестом километре, у развилки на Лосево, в темноте засветились желтые окна придорожного кафе «У Ашота». Рядом с деревянным срубом, под покосившимся навесом из шифера, дымил мангал, отбрасывая на грязный снег оранжевые блики. На площадке перед кафе стояли две заляпанные грязью фуры-«КамАЗа» и вишневый «БМВ» пятой серии с тонированными наглухо стеклами.

Коля притормозил на обочине, в тени за прицепом крайней фуры. Желудок свело голодной судорогой — последний раз он ел еще утром, когда Батя был в сознании и попросил сварить ему жидкой манной каши без комочков.

Коля заглушил мотор, посидел минуту, прислушиваясь к тишине, потом сунул черный дипломат под сиденье, забросал его старой телогрейкой, проверил в наплечной кобуре тяжелый стечкин, вышел из машины и тяжелой, неторопливой походкой направился к крыльцу кафе.

Внутри было накурено так, что хоть топор вешай. Под потолком висела тусклая лампочка без абажура, из старого двухкассетника на стойке хрипела Татьяна Буланова про ясный мой свет, а пахло жареной свининой, дешевым табаком «Магна» и кислым разливным пивом.

За дальним столиком у окна сидели трое.

Двое — здоровые, коротко стриженные парни в одинаковых черных кожаных куртках поверх спортивных костюмов. Перед ними стояли пустые стаканы и тарелка с обглоданными костями. А третий — худощавый, в дорогом кашемировом пальто, с бледным, как у покойника, лицом и тонкой золотой цепочкой поверх черной водолазки — нервно барабанил пальцами по клеенке.

Это был Хромой — правая рука Резаного, человек, который ведал в бригаде общаком и связями с областной милицией.

Коля не стал смотреть на них. Он подошел к деревянной стойке, за которой дремал толстый усатый мужик в засаленном фартуке, и положил на прилавок смятую пятидесятирублевую бумажку.

— Шашлык, — коротко сказал Коля. — Два. И чаю. Крепкого.

Хозяин кафе лениво открыл один глаз, глянул на квадратную челюсть гостя, на шрам через всю щеку и молча закивал:

— Сейчас, дорогой, пять минут. С дымком сделаем.

Коля сел за свободный столик у самого входа, спиной к стене, чтобы видеть и дверь, и окно, и тех троих у дальней стены. Положил тяжелые ладони на стол.

Хромой, сидевший у окна, вдруг перестал барабанить пальцами. Он прищурился, вглядываясь сквозь сизый табачный дым в фигуру у двери, и тихо, сквозь зубы, процедил:

— Твою мать… Гляньте-ка, пацаны. Никак Коля-контуженный нарисовался.

Один из быков в кожанке медленно повернул голову, хмыкнул:

— Точно, он. Батин цепной пес. А че он тут делает на ночь глядя? До Питера восемьдесят верст.

— А то и делает, — прищурился Хромой, доставая из кармана пальто пачку «Мальборо». — Два часа назад Батя в Комарово концы отдал. Мне с поста на Приморском шоссе гаишники отзвонились: сказали, белая «Нива» с комаровскими номерами мимо пролетела, не остановилась. А в сейфе у старого, когда Резаный его вскрыл, ветер гуляет. Ни бабок, ни тетради. Только портрет Ельцина на стене висит и ухмыляется.

Быки переглянулись. Тот, что сидел ближе к проходу, не спеша расстегнул молнию на кожаной куртке, открывая рукоятку пистолета за поясом.

— И че, прям здесь его валить будем? — тихо спросил он. — Тут дальнобои вон за стеной храпят. И хозяин этот…

— Зачем шуметь? — усмехнулся Хромой. — Коля человек простой. У него в башке вместо мозгов осколок от мины и устав караульной службы. Сейчас мы с ним по-братски поговорим. Если отдаст чемодан сам — даже трогать не будем, пусть едет на все четыре стороны. А если упрется… Ну, значит, не повезло контуженному.

Хромой поднялся из-за стола, поправил полы кашемирового пальто и, припадая на левую ногу, пошел к столику Коли. Оба бойца двинулись следом, расходясь полукругом, чтобы перекрыть выход.

Хозяин кафе за стойкой мгновенно все понял. Он тихо, без единого звука присел за прилавок, только усы мелькнули внизу.

Хромой подошел к столу, не спрашивая разрешения отодвинул деревянный стул и сел напротив Коли. Положил на клеенку пачку «Мальборо» и золотую зажигалку.

— Здорово, Николай, — сказал Хромой мягким, вкрадчивым голосом, каким обычно говорят с душевнобольными. — Далеко собрался в такую погоду? Дорога-то скользкая, неровен час — в кювет улетишь.

Коля медленно перевел на него свои пустые, стеклянные глаза. Посмотрел на Хромого, потом на одного быка, вставшего слева, потом на второго, перекрывшего дверь. Лицо Коли не выражало ничего — ни страха, ни злости, ни удивления.

— По делам еду, — ровно ответил он. — Не мешай. Я ужинать буду.

— Да какой ужин, Коля, ты че, не в курсе? — Хромой сокрушенно покачал головой. — Горе у нас большое. Умер Константин Иванович. Отмучился старик. Мы все скорбим, поминаем вот…

— Знаю, — коротко сказал Коля.

— Раз знаешь, значит, должен понимать: жизнь продолжается. Хозяйство большое осталось, люди работают, общак крутиться должен. А тут неувязочка вышла. Пропал из сейфа чемоданчик. Черный такой. И тетрадочка в нем. Резаный очень расстроился. Говорит: «Неужели Коля, который Бате как сын родной был, решил на старости лет крысой стать?» Я ему говорю: «Не может быть! Коля — человек чести. Он просто забрал имущество, чтобы оно в чужие руки не попало, и везет его нам в целости и сохранности». Я ведь правильно сказал, Коля?

В кафе стало тихо. Даже Буланова в магнитофоне, казалось, притихла, только пленка тихо шуршала в кассетоприемнике.

Коля помолчал секунд пять. Посмотрел на золотую зажигалку Хромого, потом поднял глаза на его бледное лицо.

— Батя приказал отвезти груз на Север, — тихо, словно читая приказ перед строем, произнес Коля. — В скит. Отдать в руки отцу Варлааму. Сказал: «Никому не отдавать. Кто полезет — вали на месте».

Хромой криво усмехнулся. Улыбка у него вышла злая, волчья.

— Слышь, солдат, — он наклонился вперед через стол, — ты че, совсем дурак? Какой скит? Какой Варлаам? Там полтора миллиона зеленых! Ты знаешь, сколько это в рублях после

дефолта? Это, блядь, бюджет всей Ленинградской области на полгода! Какие попы, очнись! Батя перед смертью бредил, у него мозги от водки расплавились!

— Батя не бредил, — так же спокойно ответил Коля. — Приказ есть приказ.

— Ну раз ты такой идейный… — Хромой медленно откинулся на спинку стула и кивнул парню у двери. — Валите его, пацаны. Только в голову не бейте — вдруг он код от замка вслух скажет, пока доходить будет.

Боец у двери дернул руку под полу кожаной куртки, выхватывая «Макаров». Второй, стоявший слева, шагнул вперед, замахиваясь тяжелым кастетом в висок Коле.

Но Коля не стал ждать, пока они достанут стволы.

Он резко рванул край тяжелого дубового стола вверх, опрокидывая его прямо на Хромого. Клеенка, пустая пепельница, зажигалка и сам стол с грохотом обрушились на ноги бандита, вжимая его в подоконник.

В ту же долю секунды Коля ушел влево, ныряя под удар кастета. Кулак быка со свистом рассек воздух, а Коля снизу вверх, коротким, чудовищным по силе ударом локтя врезал ему прямо в кадык. Раздался сухой, хрустящий звук, словно сломали сухую ветку. Здоровяк захрипел, схватился обеими руками за горло и рухнул на колени, выпучив налитые кровью глаза.

Второй бык у двери успел вытащить «Макаров» и дважды выстрелил. Грохот в тесном зале ударил по ушам. Одна пуля разнесла вдребезги стеклянную витрину за стойкой, вторая чиркнула Колю по левому плечу, разорвав дешевый пиджак и выбив клок ваты из подплечника.

Коля даже не поморщился. Его правая рука уже выдернула из кобуры массивный автоматический пистолет Стечкина. Не целясь, от бедра, он нажал на спуск.

Стечкин рявкнул короткой очередью на три патрона. Три девятимиллиметровые пули легли кучно в грудь бандита у двери. Его отбросило спиной на деревянную створку, он сполз на пол, оставив на светлой вагонке три жирные красные полосы, и затих.

Под перевернутым столом завозился Хромой. Задыхаясь от боли в зажатых ногах, он трясущейся рукой вытащил из-под пальто никелированный револьвер и попытался направить его в сторону Коли.

Коля подошел вплотную, наступил тяжелым ботинком на запястье Хромого, вдавливая его в грязный линолеум до хруста костей. Револьвер со стуком выпал из разжатых пальцев.

— А-а-а! Сука! Сломал! — взвизгнул Хромой, брызгая слюной. — Коля, не убивай! Брат! Половину забирай! Семьсот пятьдесят штук твои! Клянусь матерью! Я Резаному скажу, что ты в Финляндию ушел!

Коля посмотрел на него сверху вниз. Подождал, пока в ушах немного утихнет звон от выстрелов.

— Батя сказал — концов не оставлять, — тихо произнес Коля.

Он перевел переводчик огня на одиночный выстрел, опустил ствол стечкина и один раз нажал на спуск.

В зале снова стало тихо. Только капала вода из простреленного самовара за стойкой, да Татьяна Буланова в магнитофоне допевала последний куплет.

Коля убрал пистолет в кобуру, подошел к стойке и заглянул за прилавок. Хозяин кафе сидел на корточках, закрыв голову руками, и мелко трясся.

— Шашлык готов? — спокойно спросил Коля.

— Г-готов, дорогой… — заикаясь, пролепетал усатый, не поднимая головы. — Вон там, на мангале… Бери весь, денег не надо, ради Аллаха, только не стреляй…

— Я заплатил, — сказал Коля. — Пятьдесят рублей. Сдачи не надо.

Он вышел на крыльцо, снял с горячего мангала два шампура с дымящимся, пахнущим уксусом и луком мясом, завернул их в старую газету «Комсомольская правда», лежавшую на ящике у входа, и неторопливо пошел к своей белой «Ниве».

А в это же самое время, в тридцати километрах южнее, на старой лесной дороге у Медного озера, черная «Волга» ГАЗ-24 намертво застряла в размытой лесовозами колее.

Задние колеса беспомощно крутились в ледяной жиже, разбрасывая грязь на нижние ветки елей, а тяжелый кузов сел на брюхо.

Никита заглушил мотор. В салоне сразу стало тихо и холодно. Слышно было только, как за окном шумит ночной ветер в вершинах сосен да тикают механические часы на приборной панели.

— Приехали, — мрачно констатировал Профессор, протирая запотевшие очки носовым платком. — Конец фильма. До ближайшего жилья километров восемь, на дворе ноябрь, а у меня в ботинках уже хлюпает. Никита, ты как сапер скажи: мы эту баржу руками вытолкаем или сразу начнем землянку рыть?

Никита открыл дверцу, вышел на дорогу, присел на корточки и посветил карманным фонариком под задний мост. Потрогал руками холодную, вязкую глину.

— Не вытолкаем, — спокойно сказал он, выпрямляясь. — На мосту сидит. Домкрат нужен и бревна подложить.

— Откуда тут домкрат? У дяди Миши в багажнике кроме пустых бутылок из-под «Агдама» и старого ватника ничего не водилось! — Профессор вылез из машины, поежился от ледяного ветра, поднял воротник вельветового пиджака. — Слушай, Никита, тут в двух километрах, за просекой, должен быть кордон егеря Михалыча. Я к нему позапрошлым летом на рыбалку приезжал. У него и трактор «Беларусь» есть, и самогон на кедровых орешках, и телефон. Пойдем пешком, а? Машину здесь бросим, ни одна собака в такую глушь до утра не сунется.

Никита заглянул в салон, достал с заднего сиденья свой пустой обрез, переломил его, сунул в стволы два свежих красных патрона из кармана Профессора, щелкнул. Заткнул трофейный ТТ за пояс бушлата, закинул на плечо брезентовый вещмешок.

— Сумку бери, — коротко сказал он Профессору. — И кассету не забудь. Веди.

Они пошли по узкой лесной просеке, проваливаясь в мокрый снег по щиколотку. Профессор шел впереди, тяжело дыша и то и дело спотыкаясь о корни, а Никита шел следом — бесшумно, почти не оставляя следов, постоянно вертя головой по сторонам, словно и здесь, в глухом карельском лесу, ждал растяжки или засады в кустах.

Через двадцать минут между стволами деревьев мелькнул тусклый желтый огонек. Это была бревенчатая изба с покосившимся забором, банькой у ручья и старым синим трактором под навесом.

Профессор радостно выдохнул и уже собрался было крикнуть «Михалыч, открывай!», но Никита вдруг схватил его за плечо железной хваткой и резко дернул назад, за толстый ствол сосны.

— Тихо, — шепнул Никита ему в самое ухо.

— Ты чего? — так же шепотом спросил Профессор, чувствуя, как сердце снова ухнуло куда-то в пятки.

Никита молча кивнул в сторону двора егеря.

У крыльца избы, прямо под тусклой лампочкой, стоял темно-синий микроавтобус «Фольксваген» без номеров. А на крыльце, привалившись спиной к косяку, курил человек в черном камуфляже и вязаной шапочке-маске, сдвинутой на лоб. На груди у него на ремне висел бесшумный автомат «Вал» с массивным глушителем.

— Егерь твой, похоже, гостей принимает, — тихо сказал Никита, снимая с плеча вещмешок и перехватывая обрез поудобнее. — И гости эти явно не на рыбалку приехали.

Глава 5. Гости с Лубянки и медвежья услуга

Ночной лес вокруг кордона егеря Михалыча звенел от сырого, колючего холода. С верхушек елей, словно с дырявых крыш, с тяжелым шлепком падали мокрые лепешки снега. За плотным частоколом сосен в пятидесяти метрах светились два тусклых окна бревенчатой избы, отбрасывая на вытоптанный снег мутные желтые квадраты.

Профессор прижался спиной к шершавой коре вековой сосны так сильно, что вельветовый пиджак затрещал на лопатках. Дышал он часто, со свистом, втягивая ледяной воздух пересохшим ртом. Очки сползли на кончик носа, но поправлять их не было ни сил, ни желания.

— Никита… — одними губами прошептал Аркадий Семенович, косясь на темно-синий микроавтобус «Фольксваген» без номеров, припаркованный прямо у крыльца избы. — Ты видишь, что у него на груди висит? Это же АС «Вал». Бесшумный. Таких игрушек у простых бандитов не бывает. И у питерских ментов не бывает. Это контора, Никита. Москва. Видать, тот хлыщ из бани не стал ждать звонка и прислал своих чистильщиков.

Никита не ответил. Он стоял на одном колене в мокром снегу, прикрытый густым еловым лапником, и спокойно изучал двор. Взгляд его серых глаз методично скользил от крыльца к дровяному сараю, от сарая к бане, от бани к синему трактору «Беларусь» под навесом.

— Сколько их там? — тихо спросил Никита.

— Откуда я знаю?! В микроавтобус человек восемь влезет. Один на крыльце курит. Еще, небось, двое-трое в избе с Михалычем сидят. Уходят нам надо, Никита. Тихо, задом, обратно к дороге. Пока этот хмырь сигарету не докурил.

— Куда уходить? — резонно заметил Никита, не оборачиваясь. — Машина на мосту сидит. До трассы восемь верст по лесу. У тебя ботинки мокрые, ты через два километра слягжешь. А утром они по нашим следам с собаками пройдут. Им же много ума не надо — глянут, откуда следы к дому ведут, и пойдут по просеке.

Профессор сглотнул вязкую, ледяную слюну. Довод был железный, как рельс.

— И что ты предлагаешь? На штурм идти? С двустволкой и одним ТТ против спецназа?

— Зачем на штурм? — Никита осторожно положил ружье на снег, снял с плеча брезентовый вещмешок, развязал сыромятный ремешок и запустил руку внутрь. — Я же сапер. В горах без тихой работы никуда. У меня с собой армейский штык-нож и моток стальной струны с дембеля ехали.

Сиди здесь. Если услышишь шум — не высовывайся. Я сам свистну. Не дожидаясь ответа, Никита подхватил ружье, сунул нож за пазуху бушлата и бесшумно, словно большая серая рысь, растворился в черной тени подлеска, огибая двор с левой стороны — со стороны бани.

Профессор остался один. Он вжался в ствол сосны, закрыл глаза и начал про себя повторять таблицу умножения, чтобы унять предательскую дрожь в коленях. Тем временем Никита обошел покосившуюся баньку, прижался к бревенчатой стене и выглянул из-за угла. До темно-синего «Фольксвагена» было метров пятнадцать. Часовой на крыльце как раз щелчком отправил окурок в сугроб, зевнул во весь рот, поправил ремень автомата на плече и потянул на себя скрипучую дверь избы, скрываясь внутри. На пять секунд двор остался абсолютно пустым. Никита рванул вперед. Пригнувшись почти к самой земле, он в три длинных, мягких прыжка преодолел открытое пространство, нырнул под передний бампер микроавтобуса и замер, прислушиваясь. Внутри салона было тихо — мотор заглушен, никого нет. Он быстро вытащил штык-нож, привычным движением перерезал резиновый топливный шланг под днищем и проткнул левое переднее колесо у самого обода — воздух вышел с тихим, змеиным шипением. Затем Никита перекатился под задний мост, достал из кармана бушлата моток тонкой, но прочной стальной проволоки и намертво прикрутил проушину буксировочного крюка микроавто-

буса к массивной чугунной скобе, вбитой в нижний венец бревенчатого крыльца избы. Только он успел отползти обратно за угол сруба и прихватить из предбанника охапку сухих березовых поленьев с растопкой, как дверь избы распахнулась. На крыльцо вышли трое. Впереди шел коренастый мужик в черном полушубке и меховой шапке-ушанке, за ним — двое бойцов с автоматами наперевес. — …короче, Слава, — хрипло говорил мужик в полушубке, сходя со ступенек и направляясь к микроавтобусу. — Старый хрен этот, егерь, клянется, что никакого Профессора с осени в глаза не видел. Но печка в избе теплая, и на столе две кружки немытые стоят. Значит, кто-то был. Заводи мотор, сейчас проедемся по просеке до старой лесовозки… Мужик остановился, принюхался к резкому запаху бензина, натекшего под днище машины, и нахмурился: — Слышь, Слава, у тебя чего, бак течет? Дай-ка зажигалку подсветить… Досветить он не успел. Никита, выступивший из-за угла бани, чиркнул спичкой, поджег промасленную ветошь, обмотанную вокруг березового полена, и мягко, словно гранату на зачете, метнул горящий факел прямо в лужу вытекшего бензина под микроавтобусом. Ночной двор озарился яркой оранжевой вспышкой. Бензин под днищем вспыхнул мгновенно, с глухим хлопком. Пламя охватило передние колеса и моторный отсек «Фольксвагена», отрезав стоявших у капота людей от машины. Огонь тут же перекинулся на сухие доски крыльца, намертво заблокировав единственный выход из избы. Мужика в полушубке и ближнего бойца жаром отшвырнуло в сугроб у колодца. Второй боец, стоявший чуть дальше, схватился за лицо, ослепленный вспышкой, и начал наугад поливать из автомата в сторону леса. Бесшумный «Вал» противно зацыкал, высекая щепки из сосновых стволов. Никита спокойно вскинул ружье и спустил курок. Заряд крупной картечи ударил бойца в грудь. Бронежилет выдержал, но удар такой силы сбил спецназовца с ног, опрокинув его навзничь в снег. Не давая ему опомниться, Никита подбежал вплотную, ногой выбил из его рук автомат, подхватил трофейный «Вал» за ремень и тут же развернулся к избе. Входная дверь была заблокирована стеной огня от пылающего крыльца. Изнутри глухо грохотали удары — оставшиеся в доме люди пытались выбить косяк. Через секунду с треском вылетела рама маленького бокового окна, и оттуда, застревая плечами, полез еще один боец в черной маске. Никита не стал тратить патроны. Он шагнул к окну и со всей силы приложил вылезающего прикладом «Вала» по затылку. Боец обмяк и повис на подоконнике, перегородив собой выход. — Эй, в доме! — громко, перекрывая треск горящей резины, крикнул Никита. — Стволы в окно выбросили! По одному! Иначе сейчас поленницу под окно подопру и закопчу вас там как окуней!

Через три секунды из разбитого окна на снег со стуком упали два автомата и пистолет Стечкина.

— Вылезайте! Руки за голову!

Первым из окна вывалился седой, перепуганный до полусмерти старик в ватнике и валенках — сам егерь Михалыч. За ним, кряхтя и матерясь, вылезли еще двое: один — молодой парень в черном камуфляже с разбитым носом, а второй — тот самый мужик в дорогом полушубке, которого отбросило к колодцу, но он успел заползти обратно через сени.

Профессор, выбравшийся наконец из-за своей сосны, трусцой подбежал ко двору, держа наготове старый немецкий «Вальтер». Увидев догорающий микроавтобус и троих пленных, стоящих на коленях в снегу под прицелом бесшумного автомата, Аркадий Семенович остановился, открыл рот и медленно снял очки.

— Господи Иисусе… — выдохнул Профессор. — Никита, ты… ты же сказал, что ты сапер, а не дивизия ВДВ!

— Разницы нет, — спокойно ответил Никита, держа на мушке мужика в полушубке. — Подойди, посмотри, кто это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.